

УДК 008**Культурно-исторические корни концепции «страдание» в русском социуме****Сян Жуйцзя**

Магистрант,
Хэйлунцзянский университет,
150080, Китай, Харбин, ул. Сюэфу, 74;
e-mail: 3521950346@qq.com

Би Цюшуан

Кандидат наук,
Таримский университет,
843300, Китай, Арал, ул. Таримская, 1487;
e-mail: olgabee@qq.com

Аннотация

Понятие страдания занимает особое место в русской культуре и национальной идентичности, проявляясь в литературе, философии, религии и общественной мысли. Сознание страдания, как феномен, не только отражает исторические и социальные реалии России, но и формирует уникальные черты национального самосознания. От былин и летописей до произведений Достоевского и современной публицистики, страдание выступает не просто как эмоциональное или физическое состояние, но как культурно-историческая категория, связанная с коллективным опытом народа. Данная статья посвящена анализу культурно-исторических корней сознания страдания в контексте российской культуры, с акцентом на его проявления в ключевых этапах российской истории и культуры.

Для цитирования в научных исследованиях

Сян Жуйцзя, Би Цюшуан. Культурно-исторические корни концепции «страдание» в русском социуме // Культура и цивилизация. 2025. Том 15. № 6А. С. 338-346.

Ключевые слова

Страдание, национальная идентичность, русская культура, историко-культурный анализ.

Введение

Феномен «страдания» как неотъемлемая часть русской национальной идентичности формировалось на протяжении веков под влиянием исторических, социальных и религиозных факторов. История России, насыщенная периодами войн, социальных потрясений и внешних угроз, создала уникальный культурный контекст, в котором страдание стало не только индивидуальным переживанием, но и коллективным опытом, закрепленным в национальном самосознании. Настоящий раздел посвящен анализу исторических корней этого феномена, с акцентом на ключевые этапы развития русской культуры и роль восточно-христианской традиции.

Ранние этапы: от Киевской Руси до монгольского ига

Формирование социально-культурного концепта «страдания» в русской культуре можно проследить с периода Киевской Руси (IX–XIII века), когда христианство стало основой мировоззрения. Восточное христианство, принятое в 988 году, принесло с собой идею страдания как пути к спасению, укорененную в православной теологии. В летописях, таких как «Повесть временных лет», страдание часто изображалось как испытание, посланное Богом для укрепления веры и единства народа [Национальная идентичность в русской культуре..., 2014, с. 45]. Например, описания войн с печенегами или внутренние усобицы подчеркивали коллективное преодоление трудностей, что способствовало формированию восприятия страдания как части национального бытия.

Монгольское иго (XIII–XV века) стало переломным этапом, усилившим ощущение страдания в коллективной памяти. Длительный период иноземного владычества, сопровождавшийся разрушениями и данью, закрепил в сознании народа образ России как страдающей, но стойкой земли. Летописные тексты, такие как «Сказание о Мамаевом побоище», подчеркивают героизм и жертвенность в борьбе с врагом, что интерпретировалось как духовное очищение через страдание. [Национальная идентичность в русской культуре..., 2014, с. 52] Этот период заложил основы для восприятия страдания как неотъемлемой части национального самосознания.

Эпоха Московского царства и укрепление религиозной парадигмы

В период Московского царства (XV–XVII века) страдание приобрело еще большую значимость благодаря усилению роли православия. Восточно-христианская традиция, проповедующая идею «спасения через страдание», стала основой для осмысления национальных бедствий, таких как Смутное время (1598–1613). В этот период внутренние конфликты и иностранные интервенции воспринимались как испытания, ниспосланные для укрепления веры и единства. [Тишков, 2008, с. 27] Религиозные тексты и жития святых, таких как Сергий Радонежский, подчеркивали духовную ценность перенесения страданий, что способствовало его интеграции в национальную идентичность.

Особое значение имела идея Москвы как «Третьего Рима», которая возвышала страдание русского народа до мессианского уровня. Россия рассматривалась как хранительница истинной веры, несущая бремя страданий ради спасения мира. Эта концепция укрепляла связь между страданием и национальной миссией, формируя устойчивый культурный архетип. [Исследования по истории русской мысли..., 2019, с. 112]

Новое время: от реформ Петра I до XIX века

Реформы Петра I и последующие социальные трансформации XVIII–XIX веков, включая закрепощение крестьянства, усилили социальное измерение страдания. Крестьянские восстания, такие как бунт Пугачева (1773–1775), отражали страдания низших слоев общества, что нашло отражение в фольклоре и общественной мысли. Одновременно развитие светской культуры и первые шаги русской философии начали переосмысливать концепт «страдания» как часть национального характера. Например, ранние работы славянофилов подчеркивали уникальность русской души, в которой страдание воспринималось как источник духовной силы. [Паин, 2004, с. 68]

В XIX веке, с усилением национального самосознания, перенесение страданий стало центральной темой в формировании представлений о русской идентичности. Исторические события, такие как Отечественная война 1812 года, интерпретировались как коллективное страдание во имя спасения Отечества, что укрепило идею о жертвенности как национальной черте. [Национальная идентичность в русской культуре..., 2014, с. 78]

Роль Православия в закреплении сознания страдания

Восточное христианство сыграло ключевую роль в институционализации страдания как части русской идентичности. Православная теология, акцентирующая смирение и принятие страдания как божественного дара, глубоко проникла в культурный код народа. Образ Христа как страдающего Спасителя стал моделью для восприятия личных и коллективных испытаний. Религиозные практики, такие как пост и паломничество, усиливали идею перенесения страданий как духовного подвига. [Тишков, 2008, с. 30] Эта традиция не только консолидировала общество в трудные времена, но и заложила основу для восприятия России как страны, несущей особую миссию через страдание.

Исторические корни сознания страдания в русской культуре уходят вглубь веков, формируясь под влиянием череды испытаний — от монгольского ига до социальных потрясений Нового времени. Восточное христианство, с его акцентом на спасение через страдание, стало ключевым фактором, придавшим этому феномену духовное и национальное измерение. Анализ исторических источников показывает, что перенесений страданий воспринималось не только как бремя, но и как источник силы и единства, что закрепило его в структуре русской национальной идентичности. Эти исторические основания создали предпосылки для дальнейшего развития представления о концепте страданий в литературе и философии, которые будут рассмотрены в следующем разделе.

Сознание страдания в русской литературе и философии

Концепт «страдания», укорененное в историческом опыте русского народа, получило глубокое и многогранное отражение в русской литературе и философии, особенно в XIX–XX веках. В этот период перенесение страданий стало не только эмоциональным или физическим состоянием, но и центральной категорией, связывающей индивидуальное существование с коллективной судьбой нации. Русская литература и философия превратили страдание в инструмент осмысления человеческой природы, нравственных дилемм и национальной идентичности.

Русская литература XIX века, часто именуемая «золотым веком», сделала перенесение

страданий одной из центральных тем, отражая его как неотъемлемую часть человеческого и национального бытия. Ф.М. Достоевский, чьи произведения глубоко проникнуты философскими и религиозными размышлениями, рассматривал страдание как путь к духовному возрождению. В романе «Преступление и наказание» главный герой, Родион Раскольников, проходит через мучительные нравственные терзания, которые приводят его к осознанию вины и искуплению. Достоевский подчеркивает, что перенесение страданий очищает душу и приближает человека к божественной истине, что перекликается с православной идеей спасения [Колеров, Исследования по истории русской мысли, с. 124]. Его концепция «слезы ребенка» в «Братьях Карамазовых» поднимает вопрос о смысле страдания в мире, утверждая его как универсальную категорию, связывающую индивидуума с коллективным опытом. [Национальная идентичность в русской культуре..., 2014, с. 92]

Л.Н. Толстой, в свою очередь, рассматривал страдание как неотъемлемую часть человеческого существования, но акцентировал его связь с моральным долгом и национальной судьбой. В романе «Война и мир» перенесение страданий народа во время Наполеоновских войн изображается как коллективный подвиг, укрепляющий национальное единство. Персонажи, такие как Пьер Безухов, обретают смысл жизни через переживание личных и общественных невзгод, что отражает идею о страдании как источнике духовной силы. [Национальная идентичность в русской культуре..., 2014, с. 85] Толстой подчеркивает, что страдание не только формирует личность, но и объединяет нацию в борьбе за выживание, что стало важной частью русской идентичности в XIX веке.

Философское осмысление страдания

Русская философия XIX–XX веков дополнила литературные интерпретации страдания, придав ему метафизическое и национальное измерение. В.С. Соловьев, один из основоположников русской религиозной философии, рассматривал страдание как неотъемлемую часть богочеловеческого процесса. В его работе «Оправдание добра» страдание интерпретируется как средство преодоления эгоизма и достижения духовного единства с миром. Соловьев утверждал, что русский народ, благодаря своему историческому опыту, обладает особой способностью к состраданию, что делает страдание центральным элементом национального самосознания. [Исследования по истории русской мысли..., 2019, с. 135]

Н.А. Бердяев, развивая идеи Соловьева, углубил анализ страдания в контексте русской души и мессианской роли России. В работе «Русская идея» он подчеркивал, что страдание для русского человека — это не только бремя, но и источник творческой энергии и духовного поиска. Бердяев связывал страдание с русской склонностью к апокалиптическому мышлению, утверждая, что оно формирует уникальную национальную идентичность, отличающую Россию от западных культур. [Исследования по истории русской мысли..., 2019, с. 142] Его философия подчеркивает, что страдание в русской культуре неразрывно связано с идеей миссии — нести бремя ради высшей цели.

Страдание как элемент национальной идентичности

В литературе и философии перенесение страданий выступает не только как индивидуальный опыт, но и как коллективный нарратив, укрепляющий национальное самосознание. Русские мыслители и писатели подчеркивали, что способность народа принимать страдание с достоинством и находить в нем смысл отличает Россию от других культур. Эта идея

нашла отражение в работах славянофилов, которые видели в страдании проявление «русской души» — глубокой, сострадательной и духовно ориентированной. [Паин, 2004, с. 72] В то же время, страдание в литературе и философии часто связывалось с идеей жертвенности, что укрепляло представление о России как стране, несущей особую миссию в мире.

Литературные и философские интерпретации страдания также отражали социальные реалии. Например, образ «маленького человека» в произведениях Н.В. Гоголя и раннего Достоевского подчеркивал страдания низших слоев общества, что способствовало формированию эмпатии и чувства солидарности в национальном сознании. Эти образы укрепляли представление о концепте «страдания» как связующем звене между различными слоями общества.

Русская литература и философия XIX–XX веков сделали сознание страдания центральным элементом национальной идентичности, превратив его в категорию, связывающую индивидуальное и коллективное, духовное и социальное. Произведения Достоевского и Толстого раскрывают страдание как путь к нравственному и духовному возрождению, в то время как философские труды Соловьева и Бердяева придают ему метафизическое и мессианское значение. Эти интерпретации не только отражали исторический опыт русского народа, но и формировали устойчивый культурный архетип, который продолжает влиять на современное восприятие национальной идентичности. В следующем разделе будет рассмотрена эволюция сознания страдания в постсоветский период.

Современные интерпретации и трансформация сознания страдания в постсоветской России

В постсоветский период перенесение страданий, глубоко укорененное в русской национальной идентичности, претерпело значительные изменения под влиянием социальных, политических и культурных трансформаций. Распад Советского Союза, глобализация и переход к рыночной экономике породили новые вызовы для национального самосознания, одновременно сохранив и переосмыслив роль страдания как элемента идентичности. Данный раздел анализирует, как сознание страдания проявляется в современной российской культуре, официальных исторических нарративах и общественном дискурсе, а также как оно адаптируется к условиям глобализованного мира.

Распад СССР в 1991 году стал переломным моментом, вызвавшим глубокий кризис идентичности. Экономические трудности, социальная нестабильность и утрата статуса сверхдержавы воспринимались как коллективное страдание, которое усилило исторически сложившееся восприятие России как страны, несущей бремя испытаний. В 1990-е годы общественный дискурс часто обращался к образу страдающего народа, что нашло отражение в публицистике и массовой культуре. Например, фильмы того времени, такие как «Брат» Алексея Балабанова, изображали личные и социальные страдания как часть постсоветской реальности, подчеркивая борьбу за выживание в условиях хаоса. [Архипова, Кирзюк, 2020, с. 156]

В этот период перенесение страданий стало не только отражением социальных трудностей, но и инструментом консолидации общества. Исследователи отмечают, что в условиях утраты советской идентичности образ страдающего народа помогал сохранять чувство национального единства, апеллируя к историческим корням. [Гражданская, этническая и региональная идентичность..., 2013, с. 89] Однако, в отличие от дореволюционной и советской эпох, страдание в 1990-е годы часто интерпретировалось как следствие внешнего давления (например,

западного влияния), что добавило политическое измерение к традиционному восприятию.

Официальный исторический нарратив и страдание как символ единства

В 2000-е годы, с укреплением государственной идеологии, сознание страдания стало активно использоваться в официальных исторических нарративах, особенно в контексте памяти о Великой Отечественной войне (1941–1945). Победа в войне, достигнутая ценой огромных жертв, интерпретируется как величайшее коллективное страдание, которое укрепило национальную идентичность. Ежегодные празднования Дня Победы, мемориалы и государственные кампании, такие как «Бессмертный полк», подчеркивают перенесение страданий как основу национального героизма и единства. Этот нарратив стал центральным элементом политики идентичности в современной России, усиливая представление о русском народе как способном преодолевать трудности ради высшей цели. [Малинова, 2016, с. 45]

Государственная риторика часто обращается к историческим примерам страдания, чтобы подчеркнуть устойчивость и духовную силу нации. Например, образ блокады Ленинграда используется как символ коллективной стойкости, что укрепляет восприятие России как страны, готовой жертвовать ради сохранения своей идентичности. [Национальная идентичность в русской культуре..., 2014, с. 112] Этот нарратив не только консолидирует общество, но и служит инструментом легитимации власти, представляя государство как защитника нации от внешних угроз.

Трансформация страдания в условиях глобализации

Глобализация и цифровая культура привнесли новые формы осмысления страдания. В современной российской литературе и кинематографе страдание часто изображается через призму индивидуального опыта, но сохраняет связь с коллективной идентичностью. Например, романы Виктора Пелевина и фильмы Андрея Звягинцева, такие как «Левиафан», исследуют экзистенциальные и социальные аспекты страдания в контексте постсоветской реальности, отражая разрыв между традиционными ценностями и современными вызовами. [Архипова, Кирзюк, 2020, с. 162] Эти произведения показывают, что страдание остается ключевой темой, но приобретает новые оттенки, связанные с утратой смысла и поиском идентичности в глобализированном мире.

В то же время, цифровая культура, включая социальные сети, предоставляет новые платформы для выражения коллективного перенесения страдания. Публикации в социальных сетях, посвященные историческим трагедиям или современным проблемам, усиливают чувство общности через разделяемое переживание боли. [Малинова, 2016, с. 50] Однако глобализация также привносит элементы западной индивидуалистической культуры, что приводит к переосмыслению страдания как более личного, а не исключительно коллективного опыта.

Роль страдания в современной национальной идентичности

В современной России сознание страдания продолжает играть важную роль в формировании национальной идентичности, но его интерпретация эволюционировала. Если в прошлом страдание ассоциировалось с религиозной или мессианской миссией, то сегодня оно часто используется для подчеркивания национальной исключительности и устойчивости перед

лицом внешних вызовов. Политика идентичности акцентирует концепта «страдания» как доказательство моральной и духовной силы народа, что особенно заметно в риторике о противостоянии западным санкциям или культурному влиянию. [Паин, 2004, с. 94]

Вместе с тем, в молодежной культуре и независимом искусстве наблюдается тенденция к деконструкции традиционного образа концепта «страдания». Молодые авторы и художники часто рассматривают его как источник рефлексии, а не героизма, что указывает на постепенное изменение восприятия этого феномена в условиях глобализации. [Архипова, Кирзюк, 2020, с. 170]

В постсоветской России концепт «страдания» остается важным элементом национальной идентичности, но его интерпретация трансформировалась под влиянием социальных, политических и культурных изменений. Официальные нарративы используют страдание для укрепления национального единства, акцентируя героизм и стойкость, в то время как современная культура и искусство предлагают более сложные и индивидуализированные трактовки. Глобализация и цифровая культура приносят новые формы выражения страдания, сохраняя его как связующее звено между прошлым и настоящим. Этот раздел завершает анализ эволюции концепта «страдания», подчеркивая его динамическую природу и центральную роль в формировании русской идентичности.

Заключение

Проведенное исследование выявило, что сознание страдания является одной из ключевых составляющих русской национальной идентичности, формировавшейся на протяжении веков под влиянием исторических, религиозных, литературных и социальных факторов. Анализ исторических корней показал, что страдание как коллективный опыт уходит корнями в эпоху Киевской Руси, монгольского ига и последующих социальных потрясений, где восточное христианство закрепило его как путь к духовному спасению и национальному единству. В XIX–XX веках русская литература и философия, представленные произведениями Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, В.С. Соловьева и Н.А. Бердяева, придали страданию метафизическое и мессианское измерение, утверждая его как связующее звено между индивидуальной судьбой и национальной миссией. В постсоветский период сознание страдания трансформировалось под влиянием кризиса идентичности, глобализации и государственной политики, но сохранило свою роль в консолидации общества, особенно через официальные нарративы, такие как память о Великой Отечественной войне.

Основной вывод исследования заключается в том, что сознание страдания представляет собой динамический феномен, который адаптируется к изменяющимся историческим и культурным условиям, оставаясь при этом центральным элементом русской идентичности. В историческом контексте страдание воспринималось как божественное испытание, в литературе и философии — как источник духовной силы и нравственного поиска, а в современной России — как символ национальной стойкости и единства. Эта способность страдания эволюционировать и интегрироваться в различные культурные и политические контексты подчеркивает его уникальную роль в формировании национального самосознания.

Научная значимость работы заключается в междисциплинарном подходе, объединяющем историко-культурный, литературный и социополитический анализ, что позволяет глубже понять механизмы формирования русской идентичности. Практическая ценность исследования состоит в его потенциале для применения в изучении национальных культур, межкультурного

диалога и современных общественных процессов в России. В то же время, исследование открывает перспективы для дальнейших изысканий, включая анализ влияния цифровой культуры и молодежных движений на восприятие концепта «страдания», а также сравнительное изучение этого феномена в других национальных традициях. Эти направления позволят углубить понимание как уникальных, так и универсальных аспектов русской национальной идентичности в глобальном контексте.

Библиография

1. Архипова А., Кирзюк А. Опасные советские вещи. Москва : Новое литературное обозрение, 2020. 496 с.
2. Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / руководитель проекта Л. М. Дробижева. Москва : РОССПЭН, 2013. 663 с.
3. Исследования по истории русской мысли [Электронный ресурс] : ежегодник за 2019 год / под редакцией М. А. Колерова. Москва : Модест Колеров, 2019. 544 с.
4. Малинова О. Ю. Официальный исторический нарратив как элемент политики идентичности в России: от 1990-х к 2010-м годам // Полис. Политические исследования. 2016. № 6. С. 149–164.
5. Паин Э. А. Между империей и нацией. Модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. Москва : Новое издательство, 2004. 244 с.
6. Тишков В. А. Нация и национальная идентичность в России // Вестник российской нации. 2008. Т. 1, № 1. С. 43–57.
7. Национальная идентичность в русской культуре / под редакцией С. Франклин, Э. Уиддис ; перевод с английского А. Свиклы. Москва : РОССПЭН, 2014. 295 с.

Cultural-Historical Roots of the Concept of "Suffering" in Russian Society

Xiang Ruijia

Master's Student,
Heilongjiang University,
150080, 74 Xuefu str., Harbin, China;
e-mail: 3521950346@qq.com

Bi Qiushuang

PhD,
Tarim University,
843300, 1487 Tarimskaya str., Aral, China;
e-mail: olgabee@qq.com

Abstract

The concept of suffering holds a special place in Russian culture and national identity, manifesting in literature, philosophy, religion, and public thought. The consciousness of suffering, as a phenomenon, not only reflects the historical and social realities of Russia but also shapes the unique features of national self-awareness. From folk epics and chronicles to the works of Dostoevsky and contemporary journalism, suffering appears not merely as an emotional or physical state but as a cultural-historical category linked to the collective experience of the people. This article analyzes the cultural-historical roots of the consciousness of suffering in the context of Russian culture, focusing on its manifestations at key stages of Russian history and culture.

For citation

Xiang Ruijia, Bi Qiushuang (2025) Kul'turno-istoricheskiye korni kontseptsii «stradaniye» v russkom sotsiume [Cultural-Historical Roots of the Concept of "Suffering" in Russian Society]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 15 (6A), pp. 338-346.

Keywords

Suffering, national identity, Russian culture, historical-cultural analysis.

References

1. Arkhipova A., Kirzyuk A. Dangerous Soviet things. Moscow: New Literary Review, 2020. 496 p.
2. Civil, ethnic and regional identity: yesterday, today, tomorrow / project leader L. M. Drobizheva. Moscow: ROSSPEN, 2013. 663 p.
3. Research on the history of Russian thought [Electronic resource] : yearbook for 2019 / edited by M. A. Kolerov. Moscow : Modest Kolerov, 2019. 544 p.
4. Malinova O. Y. The official historical narrative as an element of identity politics in Russia: from the 1990s to the 2010s // Polis. Political research. 2016. No. 6. pp. 149-164.
5. Pain E. A. Between empire and nation. The Modernist project and its traditionalist alternative in Russian national politics. Moscow: New Publishing House, 2004. 244 p.
6. Tishkov V. A. Nation and national identity in Russia // Bulletin of the Russian Nation. 2008. Vol. 1, No. 1. pp. 43-57.
7. National identity in Russian culture / edited by S. Franklin, E. Widdis; translated from English by A. Svikla. Moscow : ROSSPEN, 2014. 295 p.